

RU

Лексико-семантическое воплощение образа командира в текстах исторических, походных и военно-бытовых песен линейных казаков Кубани

Бурдун С. В., Епатко Т. А.

Аннотация. Цель исследования – выявить особенности лексико-семантической реализации образа командира в текстах исторических, походных и военно-бытовых песен линейных кубанских казаков. В статье рассматриваются тексты песен как мегатекст, в котором воплощены представления казаков об их военачальнике. Выделены основные семантические компоненты образа: командир всегда находится в центре «своего» пространства, исполняет роль отца для простых казаков, он возглавляет движение воинов, неотделим от своего отряда, подвергается опасности, командир – победитель и герой. Он является активной речевой личностью: воодушевляет перед боем, отдает команды, успокаивает во время сражения, воспитывает, завещает любить свое Отечество, смертельно раненый просит вынести себя с поля боя. Выделяются такие черты командующего, как быстрота, сила, удалство, прославленность. Научная новизна работы заключается в том, что образ казачьего командира в данном аспекте впервые рассматривается на примере регионального кубанского фольклора. В результате исследования выявлено, что образ военачальника воплощает представления казаков об идеальном воине, уважаемом и любимом подчиненными.

EN

The lexico-semantic embodiment of the commander image in the texts of historical, campaign, and military-domestic songs of the Kuban Line Cossacks

S. V. Burdun, T. A. Yepatko

Abstract. The study aims to identify the features of the lexico-semantic realization of the commander image in the texts of historical, campaign, and military-domestic songs of the Kuban Line Cossacks. The article analyzes the texts of the songs as a mega-text embodying the Cossack representations of their military leader. The study identifies the key semantic components of the image: the commander is always at the center of “his own” space, fulfilling the role of a father for ordinary Cossacks, he leads the warriors, is inseparable from his detachment, faces danger, and is a victor and hero. The commander is an active speech personality: he inspires before battle, gives commands, calms during battle, educates, bequeaths love for his homeland, and, mortally wounded, asks to be carried from the battlefield. The study highlights the commander’s characteristics such as speed, strength, daring, and renown. The novelty of the study lies in the fact that the image of the Cossack commander in this aspect is examined for the first time using the example of regional Kuban folklore. The study reveals that the image of the military leader embodies the Cossacks’ notions of the ideal warrior, respected and loved by his subordinates.

Введение

Историческая песня, по свидетельству В. Я. Проппа, «создавалась не только крестьянами, сидящими на земле, она создавалась и воинами, участниками событий, теми, кто выносил победу на своих плечах» (1999, с. 371). Значимым феноменом русской культуры являются исторические, походные и военно-бытовые песни линейных казаков Кубани, поскольку в них рассказывается о подвигах русской армии, о русской воинской доблести и славе, о великих победах и горьких поражениях. Как отмечают исследователи кубанского фольклора О. В. Кондрашова и И. В. Шельдешова, основой, скрепляющей и объединяющей линейное казачество, был «долг отстаивать интересы государства, защищать осваиваемую землю, укореняясь на ней казачьими поселениями –

станицами» (2020, с. 259). Произведения устного народного творчества в традиционных обществах играли огромную воспитательную роль. По мнению исследователей, военные песни «формировали представления об исторических событиях, в которых участвовали казаки, оценку их действий, учили мужеству и отваге, упорству в достижении цели и готовности умереть, но не отступить» (Белецкая, Великая, 2016, с. 274). Благодаря песням линейных казаков в народной памяти сохранились образы казачьих командиров, военачальников.

В данной статье выдвигается предположение о том, что в лексико-семантическом контексте исторических, походных и военно-бытовых казачьих песен, воплощающих образ командира, реализовались представления об идеале воина, а также о боевом соратничестве полководца и рядовых казаков.

Образ мужественного, доблестного, справедливого военачальника, под руководством которого казаки готовы были сражаться, не случайно встречается в их песнях, поскольку казачьи отряды испокон веков возглавляли выборные атаманы, свои же станичники, поэтому отношение к ним было иное, чем в других воинских подразделениях.

Исследование языка военных казачьих песен Кубани в лингвокультурологическом аспекте представляется актуальным, потому что оно способствует реконструкции фрагмента языковой картины мира кубанского казачества, в котором воплотились представления о мире воинской службы, о взаимодействии и взаимопонимании между участниками воинского сообщества. Подобные исследования помогают выявить значимые образы в песенных текстах казачьего фольклора и определить их роль в формировании системы ценностей данного субэтноса.

В работе решаются следующие задачи: 1) отбор песенных контекстов, содержащих именованного командира; 2) выявление прямых, языковых и дополнительных, контекстуальных значений, эксплицируемых данными лексемами.

Решая поставленные задачи, авторы использовали следующие методы исследования: метод сплошной выборки, применявшийся для отбора песенных контекстов; метод количественной обработки и систематизации языкового материала, позволивший определить частоту употребления номинаций командира и характеризующих его лексем; метод контекстного анализа для выявления основных семантических компонентов образа командира, а также метод лингвокультурологического анализа, используемый для интерпретации полученных сведений.

Теоретической базой данной статьи стали исследования, посвящённые изучению фольклора (Потебня, 2000; Пропп, 1999; Костомаров, 1994; Песни гребенских казаков, 1946), в том числе регионального фольклора (Кондрашова, Шельдешова, 2020); лингвофольклористики (Еремина, 1978; Хроленко, 1979) и культурологии (Матвеев, 2005).

Материалом исследования послужили 135 исторических, военно-бытовых и походных песен линейных казаков Кубани, опубликованных в следующих сборниках:

- Бигдай А. Д. Песни кубанских казаков: в 2 т. / под ред. В. Г. Захарченко. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1995. Т. 2;
  - Варавва И. Ф. Песни казаков Кубани. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1966;
  - Елисеев Ф. И. Песни кубанских казаков: в 2 вып. Нью-Йорк, 1960. Вып. 1;
  - Захарченко В. Г. Народные песни Кубани: в 2 вып. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1987. Вып. 1.
- В качестве справочного материала были задействованы следующие словари:
- Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения и балканистики РАН. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3;
  - Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1986. Т. 2.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее выводов в педагогической практике вузов гуманитарного направления – при преподавании курсов лингвофольклористики и лингвокультурологии.

Обсуждение и результаты

Сущность жанра исторической песни, по свидетельству В. Н. Путилова, состоит в том, что сюжетной ее основой «всегда будет непосредственно то событие, откликом на которое она явилась, а героями ее – действительные исторические лица» (Песни гребенских казаков, 1946, с. 23). В общем материале исследования было выделено 48 песен линейных казаков Кубани XVIII-XIX вв., в которых реализуется образ командира, военачальника. В данных песенных контекстах было обнаружено 40 лексем, обозначающих фамилии командиров разных уровней: *Барятинский, Бакланов, Баур, Бейбутов, Бирюков, Бремер, Волков, Воронцов, Гудович, Дадымов, Долгорукий, Ермолов, Ефремов, Засс, Кануков, Карыцов, Ковалевский, Козловский, Комисов, Камков, Крюковский, Кутузов, Ломакин, Малама, Мищерин, Морозов, Паскевич, Петин, Петрусевич, Пивень, Румянцев, Семёнкин, Сердюков, Скобелев, Слепцов, Суворов, Тер-Гукасов, Чляев, Шаманский, Щербина*. Всего около 60 словоупотреблений (далее – с/у). Таким образом, в исторических, походных и военно-бытовых песнях линейных казаков раскрывается «свой мир», где участниками сражений становятся не только простые казаки, но и их командиры, это «мир уникальных, индивидуальных... дискретных образов, называемых собственными именами» (Пеньковский, 2004, с. 9). В песенных текстах персонализировались преимущественно командиры, которые непосредственно возглавляли походы и сражения (Воронцов, Барятинский, Круковский, Слепцов и др.). Их военной тактикой и талантом во многом определялся ход военных действий в регионе.

Другие именованья командира представлены следующими лексемами: *командир* (9 с/у), *начальник* (4 с/у), *атаман* (4 с/у), *герой* (4 с/у), *генерал* (4 с/у), *князь* (4 с/у), *полковник* (3 с/у), *майор* (2 с/у), *сотник* (2 с/у), *воин* (2 с/у), *боец* (1 с/у), *богатырь* (1 с/у), *есаул* (1 с/у). Эти слова либо изначально выражают положительную оценку казачьего командира (*герой*, *богатырь*), либо приобретают позитивный эмоционально-оценочный компонент в контексте народной песни (*командир*, *начальник*, *атаман*, *воин*, *боец*, *генерал*, *полковник*, *майор*, *князь*, *сотник*, *есаул*), что свидетельствует о том, что командир в мировидении простых казаков находится в зоне «своего мира». Положительные характеристики война воплощают атрибутивные связи данных лексем-номинаций: *храбрый* (4 с/у), *славный* (4 с/у), *молодой* (4 с/у), *любимый* (3 с/у), *лихой* (2 с/у), *знаменитый* (2 с/у), *молодец* (2 с/у), *отважный* (1 с/у), *нетрусливый* (1 с/у), *удалый* (1 с/у), *разудалый* (1 с/у), *удалец* (1 с/у), *неотразимый* (1 с/у), *краса* (1 с/у). Данный набор эмотивных характеристик указывает на главные достоинства военного начальника: храбрость, удальство и прославленность, поскольку эпитеты в фольклорном тексте, согласно А. Н. Веселовскому, усиливают «характерное, выдающееся качество предмета» (1940, с. 76). Лексико-семантические контексты песен, посвященные описанию героя вообще и командира в частности, зачастую включают в себя лексему *слава* и ее производные: *Наш Мищерин – герой славный*, / *Воин Русского Царя*. / *Имя казаков прославил*, / *Честь и славу нам принёс* («Скоро день буен настанет...») (Бигдай, 1995, с. 65, № 33). *Славной честью завидной* / *Ты сумел себя покрыть*, / *Про тебя, ей-ей, не стыдно* / *Песню громкую сложить* («Честь прадедов атаманов...») (Бигдай, 1995, с. 34, № 15). Умение добывать славу связано с умением побеждать, вследствие этого пожелание славы становится выражением стремления к победе: *Князю Бейбутову – слава!* / *Войску русскому – ура!* («Веселитесь, ребята...») (Бигдай, 1995, с. 15, № 3). *Ой да слава, слава русскому отряду*, / *И Чиляеву «ура!»* («Ой да не орел, ой под облаками...») (Бигдай, 1995, с. 76, № 39).

Номинации командира часто входят в дейктические сочетания, что свидетельствует о включении адресата в личную сферу говорящего (так, из 60 атрибутивных пар, встречающихся в исторических песнях с местоимением *наш*, 27 словосочетаний реализуют именно образ командира): *наш Чиляев-генерал*, *наш командир*, *князь наш Бейбутов*, *наш отец*, *наш Комков*, *наш полковник Малама*, *наш походный атаман* и др.

Также лексема *наш* входит в состав метафорических именованья командующего: *наше счастье*, *наша слава*, *наша правда*, *орел наш славный горный*. Сочетания с абстрактной лексикой в первых трех примерах реализуют смысловые компоненты «восхищение», «любовь», «гордость»: *Ты герой наш, ты достоин называться казаком* («Честь прадедов атаманов...») (Бигдай, 1995, с. 34, № 15).

Орел в славянской мифологии считался «божьей птицей, царем птиц и владыкой небес» (Славянские древности, 2004, с. 558). По словам Н. И. Костомарова (1994, с. 307), орел в народных песнях славян является символом мужественности, красоты, удальства, а полет орла символизирует скорость: *Но Комков сам с казаками, как орел, везде летал* («Веселитесь, ребята...») (Бигдай, 1995, с. 15, № 3); *И орел наш славный, горный, / Он куда не залетал... / Орлом летая перед нами, / Сам везде распоряжался* («Что ты, сунженец, не весел...») (Бигдай, 1995, с. 22, № 6); *Орлом могучим реешь по горам* («Честь прадедов атаманов...») (Бигдай, 1995, с. 35, № 15); *Не сизой орел летал, / Наш Ломакин генерал* («Как не соколы крылаты...») (Бигдай, 1995, с. 39, № 18); *Ой да не орел под облаками / В непогодушку летал. / Ой да то перед полками / Наш Чиляев-генерал* («Ой да не орел, ой под облаками...») (Бигдай, 1995, с. 76, № 39).

Скорость, быстрота движения военачальника подчеркивается также в других метафорических контекстах: *Князь Барятинский героем / Их как шаром покати... / Уже Бремер не отстанет, / Белый крест свой обновит. / Бурей огненной грянет, / Супостатов поразит* («Веселитесь, ребята...») (Бигдай, 1995, с. 15, № 3); *С мечом острым так, как с молнией, / Он пустился в тучу вражью* («Ах ты поле, поле чистое...») (Бигдай, 1995, с. 67, № 34). Быстрота, огонь, свет, по словам А. А. Потемни (2000, с. 37, 38), – сродные в языке представления, соотносящиеся с понятием силы.

Другое метафорическое представление командира, в образе отца, указывает на то, что для простых солдат и казаков их начальник является центром «своего мира»: *Наш отец перед отрядом бережет своих детей* («Веселитесь, ребята...») (Бигдай, 1995, с. 13, № 2); *Пуля пущена в него. / Грудь его, отца, пронзила* («Что ты, сунженец, не весел...») (Бигдай, 1995, с. 21, № 6); *Говорят, Семёнкин злой, а он батюшка родной... / Конь, как лев, под ним несётся – / Мы узнали тут отца!* («Мы стояли на горе...») (Бигдай, 1995, с. 51, № 24); *Командир наш молодец, / Слово родный нам отец* («Мы желали такой Славы...») (Елисеев, 1960, с. 26, № 34). Эти родственные отношения в песне «Ой да Крюковской, ой да, братцы, шел с отрядом» усиливаются обращением командира к своим подчинённым *братцы-дети*: *Ой да вы молитесь, / Ой да, братцы-дети, Богу* (Бигдай, 1995, с. 92, № 47). Данный вокатив эксплицирует семантику родства в широком смысле: это семейные, дружеские, соратнические и религиозные связи воинского сообщества, поскольку, по наблюдениям А. Т. Хроленко, в фольклорном тексте «семантический объем пары больше суммы значений каждого компонента» (1979, с. 149).

Ситуацией, где в полной мере раскрывается образ командира, является в народной песне ситуация боя. Именно в бою проявляется важное свойство военачальника: не прятаться за спинами казаков, а сражаться с ними плечом к плечу. Присутствие командира ободряет простых казаков, дарит им уверенность в своих силах. Единство, совместность действий казаков и их командира в песенных контекстах подчеркивается формой творительного падежа личного местоимения или существительного с предлогом *с*: *И Ермолов будет с нами, / Нам с ним весело идти* («Скоро день настанет боя...») (Елисеев, 1960, с. 12, № 9); *Вспомним, братцы, мы кубанцы, / Тер-Гукасов с нами был* («Вспомним, братцы, мы кубанцы...») (Елисеев, 1960, с. 18, № 21); *Ой да Крюковской / Ой да, братцы, шёл с отрядом* («Ой да Крюковской, ой да, братцы, шел с отрядом...») (Бигдай, 1995, с. 92, № 47);

Хорошо было, братцы, в походе / С Крюковским-то, молодцом. / Храбро было нам сражаться с Кануковым-удальцом («Хорошо было, братцы, в походе...») (Бигдай, 1995, с. 80, № 41); *Генерал-майор Козловский, / Закавказский наш герой. / Знаем дух его геройский, / С ним несём мы все долой!* («Звук победы, раздавайся...») (Бигдай, 1995, с. 74, № 37); *Под завалы подступали, / Сам Крюковский с нами был* («Ружья в гору застогнали...») (Елисеев, 1960, с. 14, № 14). В последнем контексте определительное местоимение *сам* выражает значимость, важность субъекта действия, становится маркером его предельности: являясь боевым соратником казаков, командир наделен особой ответственностью, поскольку именно он принимает решения. На эту выделенность военачальника из общей массы воинов указывает его позиция – он всегда впереди. Глаголы *вести, идти, править* (т. е. *управлять*) также, дополняя семантику главенства, реализуют смысловой компонент *'главенство в движении'*: *Идет Семенкин наш в поход, / За собою нас ведет* («Мы стояли на горе...») (Бигдай, 1995, с. 51, № 24); *Князь наш Бейбутов вперед. / И казакам веселее, как начальник их ведет* («Веселитесь, ребята...») (Бигдай, 1995, с. 13, № 2); *Казаки вступили в дело, / Наш Комков был вперед* («За горами, за скалами...») (Бигдай, 1995, с. 25, № 5); *Сердюков наш вперед* («В шестьдесят втором году...») (Бигдай, 1995, с. 30, № 12); *Вперед-то идет сам Гудович-князь* («Прошумели у нас ветры буйные...») (Бигдай, 1995, с. 84, № 43); *Ой да Крюковской, / Ой да, братцы, шел с отрядом, / Ой да в черной шляпе, братцы, вперед* («Ой да Крюковской, ой да, братцы, шел с отрядом...») (Бигдай, 1995, с. 92, № 47); *Вспомним трудное мы время, / Как нас вел лихой Камков* («С Малки, Терека, Кубани...») (Варавва, 1966, с. 74, № 45).

В поэтических фольклорных текстах нередко описываются сцены сражений, в которых главнокомандующий является основным участником. Так, в песне «Ой да Крюковской, ой да, братцы, шел с отрядом» разворачивается описание сражения генерала Крюковского и Шамиля: *Ой да Шельмин сидит, / Ой да, братцы, шашку востру точит. / Ой да Крюковскому чуть, братцы, / Грудь он не пронзил. / Ой да Крюковской, / Ой да, братцы, с верной берданы, / Ой да Шельмину, / Братцы, грудь пробил* (Бигдай, 1995, с. 93, № 47). В данном лексико-семантическом контексте имена командующих символизируют действия армий, а метонимия «создает и усиливает зрительно осязаемые представления» (Еремина, 1978, с. 141). Командир неотделим в мировидении линейцев от своего войска.

Все описанные в казачьих песнях детали внешности командира также воплощают образ героя. Важной составной частью его характеристики являются награды, которые упоминаются в 4 лексико-семантических контекстах: *Генерал наш знаменитый / Любим в армии у нас, / Орденами грудь покрыта* («Вдруг ударил гром из пушек...») (Захарченко, 1987, с. 98, № 50а); *С белым крестиком на шее / Князь Барятинский вперед... / Уже Бремер не отстанет, / Белый крест свой обновит* («Веселитесь, ребята...») (Бигдай, 1995, с. 16, № 3); *Сердюков наш вперед, / Под ним коник темногрудый, / Белый крестик на груди* («В шестьдесят втором году...») (Бигдай, 1995, с. 30, № 12). Как было уже отмечено ранее, «цветовой эпитет белый, сопрягаясь со словами крест и крестик... не теряя основного цветового значения, актуализирует сему 'героический' и традиционно выражает положительную оценочность» (Епатко, Бурдун, Белоусова, 2023, с. 143).

В двух контекстах идеальный образ героя дополняется характеристикой его взгляда: *Он глядит орлиным взглядом, / Как попотчевать гостей* («Веселитесь, ребята...») (Бигдай, 1995, с. 13, № 2). Героическая семантика выражается метафорическим эпитетом *орлиный*. Орлиный взгляд – «гордый, смелый, пронзительный» (Словарь русского языка, 1986, с. 640).

Он выходит с ясным взором, / светлым радостным лицом («Вспомним, братцы, про былое...») (Бигдай, 1995, с. 18, № 4). В данном контексте *ясный взор* – это «ничем не омраченный», «спокойный» (Словарь русского языка, 1986, с. 474) взгляд. Понятие *радость* в русском самосознании включает в себя, как отмечают исследователи, христианскую идею светлого, чистого состояния души (ср. иконы «Всех Скорбящих Радости», «Нечаянная Радость» и др.) (Пеньковский, 2004, с. 37). Таким образом, уверенность, спокойствие, духовная зрелость героя эксплицированы рядом эпитетов *ясный, светлый, радостный*, что создаёт ассоциацию с образом святого подвижника.

Нередко в песенных контекстах командир предстает перед солдатами и казаками на коне: *Командир наш молодой... / Под ним коник вороной... / Весь убранный серебром* («Встанем, братцы, вкруговую...») (Захарченко, 1987, с. 67, № 35); *Он на сером на коне, / Карабин на спине* («Утром рано весной...») (Захарченко, 1987, с. 52, № 25); *Шашка, пика, верный конь, / Рой наездников любимый – / С ними ты, неотразимый* («Честь прадедов атаманов...») (Бигдай, 1995, с. 34, № 15). В ряде казачьих песен, в которых описывается командирский конь, несущий своего седока в атаку, «создается гиперболизированный образ волшебного коня, обладающего сверхъестественными способностями и необычайной силой» (Епатко, 2018, с. 109): *Он [Долгорукий] пустился в тучу вражею. / Где мечом сверкнет – тут улица, / Где вернет коня – там площадь тел* («Ах ты поле, поле чистое...») (Бигдай, 1995, с. 67, № 34); *И леишь на Бурке-сивке, / Как колдун на облаках* («Честь прадедов атаманов...») (Бигдай, 1995, с. 34, № 15); *Гром гремит, земля трясется, / Запылали в нас сердца, / Конь, как лев, под ним несётся* («Звук победы, раздавайся...») (Бигдай, 1995, с. 74, № 37). Конь командира – это конь победителя, поэтому в лексико-семантических контекстах, рисующих образ казачьего военачальника, летящего в сражении на своем коне, лексемы, именующие этот образ, обогащаются дополнительным смыслом 'победитель'.

Из одежды в текстах песен выделяются элементы военной формы: шапка/папах и бурка. Также обращается внимание на оружие, обычно это шашка, пика или карабин/бердана: *Комаров, наш генерал, / Снял папаху, перекрестился* («Восемнадцатого марта...») (Бигдай, 1995, с. 27, № 10); *Ой да Крюковской, / Ой да, братцы, шел с отрядом, / Ой да в черной шляпе, братцы, вперед* («Ой да Крюковской, ой да, братцы, шел с отрядом...») (Бигдай, 1995, с. 92, № 47); *Его шашка на ремне / И папах набекрень* («Ой ты, торох, торохтер...») (Захарченко, 1987, с. 57, № 28); *Вперед-то идет сам Гудович-князь, / В руках-то несет булатный меч* («Прошумели у нас ветры буйные...») (Бигдай, 1995, с. 84, № 43).

В текстах военных песен семантика лексемы *бурка* обогащается ассоциативной семей 'воин в форме'. Так, в песне «Мы стояли на горе...» образ генерала Семенкина в бурке противопоставлен образам расслабившихся на отдыхе солдат: *Едет Семенкин к нам у бурки, / Мы пьём водку, едим булки* (Бигдай, 1995, с. 51, № 24). В другом контексте лексема *бурка* становится экспликатором смыслового компонента 'гибель казака на поле боя': *Во сражении том убили майора Дадьмова. / Положили тело его на черную бурочку, / Относили его во станицу Ладожскую* («Во горах-то было, во крутых горах...») (Варавва, 1966, с. 54, № 20); *Его друзья несли на бурке, / Он едва уже дышал* («Что ты, сунженец, не весел...») (Бигдай, 1995, с. 22, № 6); *Тут казаки прибежали / И на бурках унесли. / Скоро смерть его настигла, / Жизнь окончилась его* («Вспомним, братцы, мы, кубанцы...») (Бигдай, 1995, с. 60, № 31).

Командир является активным речевым субъектом. В текстах песен выявлено около 20 глаголов и отглагольных существительных, характеризующих речевое поведение командующего: *вскричал, закричал, криком закричал, вопил, крик раздавался, приказал, отдал приказ, взговорил, разговаривал, выговаривал, сказал, распоряжался, поздравил с победой, поздравил с войной, речь хорошую держал, простился, завещал, просил, назвал*.

В песне «Ах ты поле, поле чистое...» граф Румянцев обращается перед боем к казакам и солдатам: *«Добры молодцы, товарищи, / Наши храбрые солдатушки, / Не дадим врагам хвалиться, / Пойдем сами против злости их!» / За ним двинулась вся армия, восклицая: «Мы пойдем с тобой!»* (Бигдай, 1995, с. 67, № 34). Речь командующего мотивирует сражаться с врагами за родину, идти на смерть, она поднимает дух воинов, воодушевляет их. В таких лексико-семантических контекстах реализуется мотив борьбы со злом: *Под началом Воронцова / Лестно, братцы, умереть, / Как он скажет 2-3 слова, / Шашки вон – идём на смерть* («То не буря прошумела...») (Бигдай, 1995, с. 32, № 13). В песне «Ой ты, торох, торохтер...» атаман обращается к своим казакам, называя их детьми, и призывает не опозорить чести отцов: *Наш походный атаман / Сквозь по войску проезжал, / Да речь хорошую держал: / – Вы здорово, мои детки, / Да вы здорово, кубанцы. / Послужите да, мои дети, / Как служили ваши отцы* (Захарченко, 1987, с. 57, № 28). В этой речи реализуется мотив преемственности боевой славы. Сочетание *речь хорошую держал* характеризует обращение командира к казакам перед боем еще в 4 лексико-семантических контекстах.

Другой часто встречающийся предикат, выраженный глаголом *поздравил*, является частью традиционной для фольклора метафоры «война – праздник». Командир поздравляет солдат не только с победой, но и с началом сражения, похода: *Ой, он [Чиляев-генерал] поздравил нас с походом* («Ой да не орел, ой под облаками...») (Бигдай, 1995, с. 76, № 39); *Встретил ласковым приветом / Наш полковник Малама. / Он поздравил нас с войною* («В вечер тихий, непогожий...») (Бигдай, 1995, с. 25, № 8).

В текстах песен передаются также приказы командира перед боем, выраженные императивными формами глаголов: *Генерал наш знаменитый... / Отдает такой приказ: / Стройтесь вы, друзья, в колонны / И карей формируй, / Разверни царски знамёна / И по-русски атакуй!* («Вдруг ударил гром из пушек...») (Бигдай, 1995, с. 98, № 50а); *Атаман наш сам наказный, / Он по войску проезжал. / «Выступить в поход сотнями, / А в полках со ставы есть. / Ружья с новыми кремнями, / Шашки острые иметь!»* («Ой, между гор...») (Варавва, 1966, с. 73, № 42).

Примечательно, что в данных контекстах с помощью глагола *кричать* и его дериватов особо подчеркивается сила голоса военачальника: *Ой, он вскричал, да вскричал, / Своим, братцы, зычным голосом...* («Православный Ты наш Царь...») (Елисеев, 1960, с. 19, № 22); *Тут недалеко за горою / Крик там раздавался, / Наш полковник Комисов славно распоряжался* («Ночка темна настает...») (Бигдай, 1995, с. 28, № 11); *Сердюков наш удалой закричал: «Скорей на конь!»* («В шестьдесят втором году...») (Бигдай, 1995, с. 30, № 12); *Есаул наш храбрый Петин / Вскричал: «Смирно, молодцы!»* («Славно было нам, кавказцы...») (Бигдай, 1995, с. 43, № 20); *Командир наш не дремал, / Закричал: «Ребята!»... / Волков видит, что смешали, / Закричал: «Лабинцы!»* («Вознесенская станица...») (Бигдай, 1995, с. 48, № 23). Голос командира несет угрозу врагу: в песне «Ой, да пронесли у нас вести...» используется прием восходящей градации (*кричит-то, вопит*), где второй глагол усиливает значение первого, что позволяет представить графа Гудовича в образе былинного богатыря, не случайно в руке у него не шашка, а булатный меч: *Ой да, впереди-то полка / Идет сам Гудович граф. / Ой да, над собой-то он несет / Свой булатный меч. / Ой да, он кричит-то, вопит / Громким голосом: / «Ой да, на кого ты, паша, / На кого надеешься?»* (Варавва, 1966, с. 45, № 10).

Но командир во время боя не только кричит, он также подбадривает своих подчиненных, успокаивает их, что реализуется в текстах песен с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов, обращений, лексем, выражающих одобрительные характеристики казаков: *«Постарайтесь, ребята, / Каждый молодец из вас!»* («Ружья в гору застогнали...») (Елисеев, 1960, с. 14, № 14). *Ой да граф Паскевич разговаривал, / Эх, солдатушкам выговаривал: «Вы не бойтесь-ка, ребятаушки, / Эх, наши храбрые солдатушки! / Эх, послужите царю Белому!»* («Поле чистое, турецкое...») (Бигдай, 1995, с. 70, № 35).

Перед смертью командующий обращается к своим солдатам с завещанием или просьбой. Так, в песне «Что ты, сунженец не весел...» генерал Слепцов завещает: *Храбро, весело отважно / Нам Отечеству служить, / И чтоб имени Слепцова нам навеки не забыть* (Бигдай, 1995, с. 22, № 6). Служение Отечеству – основной мотив обращений командира к своим подчиненным. Есть еще один устойчивый мотив предсмертной просьбы командира – не оставлять его после ранения на поле боя. В песне «Вспомним, братцы, мы, кубанцы...» разворачивается история героической гибели генерала Петрусевича: *Генерал наш Петрусевич / В крепость всех вперед зашел. / Получил большую рану / От текинца подлеца. / Получивши эту рану, / Он казакам закричал: / «Уж вы, братцы, вы, кубанцы, / Не покиньте здесь меня. / Если, даст Бог, живой буду – / Всех крестами награжу!»* (Бигдай, 1995, с. 60, № 30). Так концептуализируется в сознании воинов непреложный закон: тела погибших нельзя оставлять врагу, они должны быть спасены, вынесены с поля боя, погребены по христианскому обряду, и «в историческую

конструкцию песни входит непременно слагаемым набор традиционных поведенческих норм» (Матвеев, 2005, с. 331). По мнению О. В. Матвеева, «достаточно древний, восходящий к былинным сюжетам мотив с просьбой не оставить тело на поругание *басурманам*, на Кавказе обрел новое содержание» (2005, с. 331).

В качестве примера может послужить рассказ полковника Ф. И. Елисеева, который в своих заметках раскрывает историю гибели генерал-майора Ф. А. Крюковского. Генерал попал в засаду горцев и был смертельно ранен. Когда он понял, что умирает, то своему ординарцу, казаку Толчанинову, пытавшемуся вынести своего генерала из сечи, приказал: «Брось меня! Спасайся сам!» Но ординарец и другие казаки не покинули своего командира и погибли вместе с ним (Елисеев, 1960, с. 15). После сражения тела всех погибших и награды генерала были выкуплены у противников.

Итак, можно отметить, что речевое поведение командира описывается довольно подробно (он отдает приказы, воодушевляет перед боем, успокаивает, воспитывает), что свидетельствует о значимости данных характеристик в образе командующего.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы: в лексико-семантическом пространстве исторических, походных и военно-бытовых песен линейных казаков Кубани образ командира реализуется в разных формах идеализации.

В работе проанализированы основные лексико-семантические средства воплощения этого образа. Выявлено, что в песенных текстах присутствуют 53 как собственных, так и нарицательных существительных, именующих казачьего командира (101 с/у). Семантика этих лексем обогащается такими дополнительными смыслами, как 'свой', 'отец', 'победитель', 'храбрость', 'героизм', 'угроза для врага', 'удальство', 'прославленность', 'скорость', 'единство с войском', 'находится впереди', 'награды', 'форма', 'гордость', 'уверенность', 'воодушевление', 'сильный голос'. Важную роль в воплощении образа военачальника играют глаголы говорения и их дериваты, создающие его яркий речевой портрет.

Установлено, что в мегатексте кубанских казачьих песен слова, именующие командира, выражают положительную оценку образа военачальника. Казаки восхищаются, любят и гордятся своим командиром.

Командующий является центральным субъектом «своего» пространства, выполняя роль отца. Он неотделим от войска в момент сражения, более того, действуя совместно с казаками, он находится впереди отряда и подвергается опасности. Командир является активным субъектом речи, что свидетельствует о важности такого навыка командующего, как речевое воздействие на подчиненных. Идеальный образ командира в исторических, походных и военно-бытовых песнях линейных казаков Кубани позволял поднимать морально-психологический дух армии, воспитывать молодое поколение на примерах воинской доблести.

Перспективным представляется исследование лексико-семантической экспликации образа казачьего командира в кубанской фразеологии.

Источники | References

1. Белецкая Е. М., Великая Н. Н. Военные события XIX века в истории России и в песенном фольклоре терских казаков // Диалог со временем. 2016. № 56.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940.
3. Епатко Т. А. Концептуализация слова-образа «конь» в военных казачьих песнях // Исследовательские парадигмы в современной филологии: материалы V всероссийской научной конференции / отв. ред. Л. А. Исаева. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018.
4. Епатко Т. А., Бурдун С. В., Белоусова О. А. Некоторые аспекты функционирования цветовой лексики в исторических, походных и военно-бытовых песнях линейных казаков Кубани (на примере цветолексем, обозначающих светлую часть спектра) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2023. № 10.
5. Еремина В. И. Поэтический строй русской народной лирики. Л.: Наука, 1978.
6. Кондрашова О. В., Шельдешова И. В. Лексемы «семья, род, родина» в исторических и военно-бытовых песнях линейных казаков // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: материалы III международной научно-практической конференции (г. Белгород, 14-15 мая 2020 г.). Белгород: Эпицентр, 2020.
7. Костомаров Н. И. Славянская мифология. М.: Чарли, 1994.
8. Матвеев О. В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар: Кубанькино, 2005.
9. Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Яз. слав. культуры, 2004.
10. Песни гребенских казаков / публ. текстов, вступ. ст. и коммент. Б. Н. Путилова; под ред. Н. И. Пруцкова. Грозный: Грозный обл. изд-во, 1946.
11. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000.
12. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999.
13. Хроленко А. Т. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор: материалы и исследования / отв. ред. А. А. Горелов. Л.: Наука, 1979. Т. XIX.

Информация об авторах | Author information**RU****Бурдун Светлана Владимировна¹**, к. филол. н.
Епатко Татьяна Александровна², к. филол. н.^{1,2} Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. А. К. Серова**EN****Svetlana Vladimirovna Burdun¹**, PhD
Tatiana Aleksandrovna Yepatko², PhD^{1,2} The A. K. Serov Krasnodar Air Force Institute for Pilots¹ 010670@bk.ru, ² epatko.t.a@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 02.10.2024; опубликовано online (published online): 18.11.2024.

Ключевые слова (keywords): исторические, военно-бытовые и походные песни казаков; образ командира; семантический компонент образа; речевой портрет командира; сема; лексема; historical, military-domestic and campaign Cossack songs; commander image; semantic component of the image; speech portrait of a commander; seme; lexeme.